

На следующее утро, позавтракав дома, Сун Янь вместе с Му Сю отправился в хозяйственную лавку Бабушки Хуан — исполнять обязанности временного хозяина.

Надо сказать, стоило Сун Яню навести порядок, дела сразу пошли заметно лучше. К тому же по солнечному календарю наступил август — седьмой месяц лунного, — и до праздника духов оставалось совсем немного: кое-кто из жителей городка уже начинал запасаться всем необходимым к Середине седьмого месяца.

Завсегдатаи, завидев за прилавком Сун Яня, не удивлялись. Бабушка Хуан, Старик Сун и Сун Янь — трое городских чудаков, соседи и давние приятели; каждый год, когда подходило время Цинмин или Чжунъюань, оба Суна непременно приходили старушке помочь.

— Вот деньги, — произнёс Мэн Цян, протянув купюры. Лицо — непроницаемое, а внутри всё перекручивалось от неловкости.

Он сто раз проклял себя за то, что согласился сегодня сбегать в лавку для деда. Ноги, как назло, отказывались двигаться в сторону выхода. И впервые в жизни он по-настоящему разглядел Сун Яня: глаза необычные — это да, — но ничего особо жуткого, если смотреть честно.

— Минуточку. — Сун Янь взял деньги, порылся в ящичке стола, отсчитал двадцать юаней сдачи. — Всего доброго.

Мэн Цян сгрёб монеты, подхватил пакет с жёлтой бумагой и двинулся к выходу. Три шага — и вдруг обернулся.

— Сун Янь... про то, что Да-Шу... что Чэнь Чэншу делал, — я не знал. И... прости.

Последнее слово ещё висело в воздухе, а Мэн Цян уже улепётывал вприпрыжку — точно спугнутый заяц — и через мгновение скрылся в глубине переулка.

Сун Янь вышел следом, поправил сбитую второпях железную коробку, прищурился на слепящее полуденное солнце и вернулся в лавку.

— Жара сегодня нещадная. В полдень домой не пойдём — туда-обратно да готовка, это часа два. Тут за углом тележка с суши ездит, перекусим на месте, а вечером пораньше вернёмся и сварим нормальный ужин.

Сказал — и сам же решил. Полуденное солнце и для Му Сю вредно, и для его собственных глаз.

— Угу, — кивнул Му Сю с видом примерного послушника и тут же подsunул голову ему под руку — дескать, погладь.

Что-то в этой бесхитростной покорности действовало безотказно: молчаливый от природы Сун Янь сам не замечал, как начинал говорить больше обычного.

Убрав руку, он опустился на маленький стул — специально принесённый из дома с утра, — Му Сю устроился рядом в плетёном кресле, и они вернулись к книгам.

Извинение Мэн Цяня не оставило в душе Сун Яня ни малейшей ряби.

Так прошла неделя: каждый день туда-обратно, дом — лавка — дом. Новых заказов не было, зато пришёл звонок от Бабушки Хуан — ещё дня четыре-пять, раньше не вернётся, просит покараулить.

Положив трубку, Сун Янь тихо покачал головой. Бабушка Хуан и её неизменная суматоха.

Впрочем, какая разница. На каникулах книги одинаково хорошо читаются что дома, что здесь.

На следующее утро Сун Янь снова потянул Му Сю на работу и по дороге пояснил:

— Бабушка Хуан каждый год в это время уезжает куда-то.

Больше он ничего не знал — к кому едет, что за дела, — не спрашивал, она не рассказывала.

Му Сю не возражал. Главное — чтобы Сун Янь брал его с собой и держал за руку.

Сорок с лишним минут пути — и они у лавки. У запертых дверей уже топтался молодой мужчина: лицо землисто-бледное, взгляд пустой, словно выеденный изнутри.

— Бабушка Хуан... она здесь? — проговорил он, скользнув взглядом по Сун Яню.

— Она уехала. Если есть дело — можете рассказать мне. — Сун Янь подошёл, открыл замок и жестом пригласил внутрь.

Мужчина несколько секунд смотрел на него — точно что-то припоминая, — потом молча кивнул и вошёл.

— Как вас зовут? — Сун Янь незаметно придержал Му Сю левой рукой, не позволяя тому немедленно занять плетёное кресло. В обычное время — сколько угодно, но при клиенте кресло лучше освободить.

— Ли Куй, — тихо произнёс тот, глядя куда-то мимо.

— Присаживайтесь, Ли Куй. — Сун Янь указал на кресло, потянул Му Сю к столу сбоку и достал из ящика старую записную книжку.

Ли Куй опустился в кресло, долго смотрел в пол — потом поднял голову, и страх, который он до этого тщательно держал в узде, проступил на его лице открыто.

— Помогите мне... нет, спасите.

— Не бойтесь. Здесь безопасно. Расскажите всё по порядку — тогда я пойму, чем могу помочь.

Сун Янь устроился на деревянном ящике напротив. Му Сю, вместо того чтобы занять освобождённый стул, втиснулся рядом и обхватил сзади руками за талию.

Сун Янь тихо выдохнул — мысленно засчитал это упражнением на выдержку. Убирать руки не стал: начни он сейчас их разнимать, Ли Куй сбежит раньше, чем успеет хоть слово произнести.

— Меня зовут Ли Куй, мне двадцать два года, второй курс университета Цзючэн... — Он осёкся — явно не желал лишнего раскрывать — и вместо слов молча закатал длинный рукав. По коже тянулись длинные сине-лиловые полосы, будто прочерченные острыми когтями.

— Видите? Меня скоро убьёт призрак.

Сун Янь внимательно осмотрел руку. Выражение его лица не изменилось ни на йоту — и Ли Куй, не дожидаясь вопросов, выплеснул всё.

В мае, вместе с двумя друзьями, он ездил в старый городок на юге. Накануне отъезда в гостинице они случайно сошлись с тремя такими же туристами. Шестеро молодых людей в поисках острых ощущений перелезли через забор заброшенного дома — того самого, о котором давно ходили дурные слухи.

Когда-то здесь за одну ночь погибла семья из шести человек. Погибла страшно: все до единого разрублены — руки, ноги, головы отдельно. Убийцу нашли и покарали. Но дом с тех пор так и не утих.

— В ту ночь мне сразу стало не по себе. Мы все шестеро во время игры получили царапины — у каждого в своём месте: руки, ноги, спина, шея. Именно там, где у жертв были отсечены части тела.

Голос у него чуть заметно дрожал. Тогда — смутное беспокойство. Теперь, оглядываясь назад, — холодный, липкий ужас.

Не полезли бы — не напоролись бы. Попадись ему другой шанс, он бы не пошёл в тот дом ни за какими острыми ощущениями на свете.

— С тех пор прошло три месяца. Из двух моих друзей, что были со мной... оба уже мертвы. Первый попал под машину. Его перерезало пополам. — Ли Куй запнулся. — Именно в том месте, где той ночью была царапина. Поясница.

Он сам оказался свидетелем аварии. Рассечённое тело, тёмная кровь на асфальте надвигались на него, как оскаленная мертвецкая харя.

— Второй — мой старший товарищ, четвёртый курс. На практике не уследил, левую руку затащило в станок... и его целиком. — Голос окончательно сел. — Семь дней назад.

За несколько часов до этого они разговаривали по телефону — как раз об этом. А к вечеру Ли Куй уже слышал, что того нет.

— А трое других, что участвовали в вашей игре?

Сун Янь давно перестал замечать руки Му Сю у себя на талии. То, с чем столкнулись Ли Куй и его спутники, — это был не обычный свирепый призрак. Это был злой дух: чистейшее воплощение злобы, с одержимостью убийством ради самого убийства.

<http://bllate.org/book/17502/1659170>